

Е. Д. Сурков: Есть несколько причин, в силу которых мне хотелось побеседовать с Вами, Марк Анатольевич, именно сейчас, когда Вы находитесь накануне своей первой премьеры в Московском театре имени Ленинского комсомола, когда Вы обдумываете планы, перспективы работы театра на этот и последующие годы.

Театр Ленинского комсомола — это заложено уже в самом его названии — должен быть особенно молодым, а следовательно, и бескомпромиссным, ищущим, прокладывающим новые пути к зрителю, смело отправляющимся в разведку за новыми темами и героями. Что для Вас лично значит приход в этот театр? Мне тем более хочется это понять, что мне очень нравятся некоторые Ваши спектакли. Они несли в себе зерна режиссерских идей, особенно полезных для театра, обрастающих к молодежи. Прежде всего это поставленный вами года четыре тому назад «Разгром» на сцене театра имени Маяковского. Здесь была найдена очень самобытная, неожиданная сценическая композиция, был создан мощный в своей обобщенности поэтический образ времени, передача неповторимая атмосфера тех героических лет. Зритель и верил тому, что происходило на сцене, и чувствовал себя так, как если бы ему пели со сцены песню о Левинсоне и его товарищах. Спектакль условен и одновременно предельно достоверен эмоционально. Это высокая героика, выраженная по преимуществу лирическими средствами. Думаю, что это очень верный способ приобщения современного зрителя к нравственной атмосфере гражданской войны.

Потом я с большим увлечением смотрел в театре Сатиры поставленный Вами спектакль «Темп-1929». Это был тоже очень неожиданный спектакль. В нем Вы сумели соединить пьесы Погодина, написанные в годы первой пятилетки, с атмосферой сегодняшнего дня. Вы сумели раскрыть в этих пьесах основное — то, что объединяет две эпохи — ту и нашу, то есть, по сути дела, решали задачу, которую до того решили в «Разгроме». И там, и здесь история вернулась к нам так, что мы, люди 70-х годов, ощутили себя восторженными и взволнованными соучастниками (отнюдь не свидетелями!) событий, отделенных от нас несколькими десятилетиями.

Означает ли опыт этих спектаклей что-нибудь для Вас сейчас, когда Вы приступаете к работе в театре имени Ленинского комсомола?

М. А. Захаров: Эти спектакли, конечно, были для меня очень важными. Безусловно, их эмоциональный опыт будет мною использоваться и дальше.

В силу своего возраста я не могу быть участником тех событий, о которых с таким увлечением рассказывали Погодин и тем более Фадеев. Тем сильнее мне и моим товарищам по спектаклю захотелось по-своему рассказать о проблеме преемственности поколений, о том великом и неповторимом духе, который сопутствует всем исканиям советского театра. Так мы открыли для себя возможность сыграть как бы свою собственную пьесу на темы, воплощенные в 30-е годы Погодиным. Нашли в его пьесах мотивы, которые волнуют и еще будут волновать многие поколения советских людей. Я часто думаю о том, как будут говорить о революции, о первых пятилетках, о войне, скажем, люди, которые родились только что, в 1973 году. Ведь все великие события в истории народа продолжают жизнь в сознании и наших потомков.

Скажем, сейчас театр имени Ленинского комсомола начинает работать — пока еще только над текстом спектакля — по военным романам и повестям К. М. Симонова. Я не участвовал в войне, как и большинство тех, кто будет работать над этой постановкой. Но война живет в нас, окрашиваясь в цвета наших сегодняшних переживаний. Поэтому уже сейчас, в самом начале работы, мы ищем какой-то особый ракурс показа войны, тот, который сможет приблизить ее к восприятию молодого зрителя. Передать свое отношение к Великой Отечественной, свои мысли о ратном подвиге советских людей, спеть собственную песню об этом подвиге — эта задача кажется нам прекрасной и бесконечно волнующей.

Е. Д. Сурков: Мне нравится формула: «спеть свою песню». Она верно передает суть того, что, видимо, может перейти на сцену театра имени Ленинского комсомола из Ваших прежних спектаклей. Но в том же «Разгроме» у Вас была не только эмоциональная атмосфера, а и характеры, обрисованные очень глубоко и точно. И прежде всего характер фадеевского Левинсона.

М. А. Захаров: Если говорить о Левинсоне, то здесь есть некоторые моменты, которые мне кажутся актуальными применительно и к нашему сегодняшнему дню. Я имею в виду вопрос о том, как надо играть на сцене руководителя. Сейчас мы готовим спектакль, в центре которого руководитель нового типа.

Нам кажется, что во многих театральных и литературных произведениях последних лет жизнь и проблема военачальника, вожака большого партийного коллектива, директора завода, вообще руководителя большой челове-

ской армии порой несколько упрощается. Зачастую для руководителя в таких произведениях создается какой-то облегченный ритм существования. Ему не приходится преодолевать серьезных препятствий, решать действительно трудные задачи. Словно бы работа крупного военачальника, директора завода, секретаря партийной организации не бывает всегда связана с большими нервными перегрузками, с необходимостью решать вопрос о взаимопонимании с коллективом и т. д. Вот и в «Разгроме» нас вместе с Арменом Джигарханяном, исполнителем роли Левинсона, очень интересовало, как этот человек превращается в руководителя, как он учится цементировать ту массу, которую в конце концов ведет за собой через страшные опасности и трудности. Потому мы особенно внимательно, подробно исследовали вопрос о его нервном, волевом потенциале. От этого ведь очень многое зависело. Мы хотели понять, как родился тот комплекс качеств, который дал Левинсону возможность и право командовать, направлять и вести за собой людей.

Еще с детских лет мы привыкаем слушаться одних людей и отмахиваться от других. В школе, еще в начальных классах, дети понимают, что все педагоги имеют равные возможности поставить им двойку или пятерку, вып-

ского комсомола. Что это за спектакль?

М. А. Захаров: Спектакль называется «Автоград XXI» — автоград XXI века. Это третья часть своеобразной режиссерской трилогии, посвященной крупнейшим событиям в истории моей страны («Разгром», «Темп-1929», «Автоград XXI»). «Автоград XXI» — это спектакль о сегодняшних крупнейших стройках мирового значения. Тех, что должны сыграть в ближайшее время очень важную роль во всей нашей жизни. Это спектакль о новом молодом руководителе, который проходит трудный путь становления. Нам хочется создать образ человека глубокой и новой культуры, не просто технократа, но государственного деятеля. Этот человек очень хорошо ориентируется в политике, экономике, знает все наши сильные и слабые стороны. Знает, каким образом должно развиваться наше государство на подступах к XXI веку. Что нужно сделать для того, чтобы добиться качественно нового подъема нашей экономики, как того требует XXIV съезд КПСС.

Е. Д. Сурков: Очевидно, Вы ставите перед собой задачу создать характер, который выражал бы черты коммуниста 70-х годов?

М. А. Захаров: Совершенно верно. И в этом, вероятно, одна из главных задач Московского театра имени Ленин-

синхронно, дружно проходит через зритель различные состояния — от трепетной тишины к смеху и т. д.

Как режиссер, я знаю, что иной зритель часто не хочет волноваться, что ему удобнее просто созерцать спектакль. Но наша задача в том-то и состоит, чтобы вывести зрителя из состояния пассивности и максимально активизировать его эмоции.

Е. Д. Сурков: Да, Вы всегда штурмуете зрителя. Во всех Ваших спектаклях Вы вторгаетесь в зрительный зал и ведете его за собой, заставляете его дышать так, как Вам хочется. Что же, дай бог, чтобы это произошло и в том театре, который Вы теперь возглавили. Молодежь доверчива и восприимчива. Но, развивая свои атаки на зрителя, не забывает ли Вы о его праве на свободное соизмышление с актером? Помните, Брехт говорил, что зритель должен чувствовать себя во время спектакля так, чтобы ему захотелось вытащить папиросу и закурить.

М. А. Захаров: Я против этой формулы. Размышления? Да, конечно, необходимы и они. Но все-таки на первое место я выдвигаю тот неповторимый нервный импульс, который зритель получает, эмоционально пережив спектакль. Думаю, что такое понимание театра традиционно для нас: в русском театре всегда смеялись и плакали, в этом наша сценическая традиция.

Е. Д. Сурков: Что же, наверное, можно и так решать эту проблему, тем более, что на Ваши рассуждения работа-

ТЕАТР МОЛОДОСТИ

В этом сезоне Московский театр имени Ленинского комсомола возглавил режиссер Марк Захаров. О путях и задачах театра, художественных принципах, о типе современного героя беседуют **Марк ЗАХАРОВ** и критик **Евгений СУРКОВ**.

нать из класса или поощрить. Однако одного учителя дети слушаются, а другого нет. Так уже на этой возрастной ступени возникает проблема руководителя и его связей с массой, пусть в данном случае это еще только ученики. Возникает вопрос о его нравственном потенциале, его нравственном праве на лидерство в коллективе. Дать ответ на этот вопрос — такая стояла перед нами задача, когда мы работали над характером Левинсона. Решая ее, мы находили в образах фадеевского романа много сегодняшних, остро интересующих нас проблем.

Е. Д. Сурков: Я хотел бы сделать одно дополнение к сказанному Вами. Интересно, примете ли Вы это дополнение? Кроме того, о чем Вы сейчас рассказали, в образе Левинсона, который живет на сцене театра имени Маяковского, есть еще нечто очень важное. Ведь, несмотря на все то трудное, даже мучительное, что ему приходится преодолевать, у меня после спектакля остается ощущение, что Левинсон прожил прекрасную жизнь. Я не могу представить себе лучшей человеческой судьбы, чем исполненная великого драматизма судьба этого человека.

М. А. Захаров: Но это как раз и есть то, что мы особенно жадно искали, работая над «Разгромом», то, к чему мечтали пробиться в конечном счете. Мне было важно, чтобы эта тема получила развитие и в спектакле «Темп». Меня, как художника и человека, больше всего привлекает в истории России как раз та неисчерпаемость ее духовных потенциалов, резервов, перед которой становятся в тупик зарубежные историки. В особенности те из них, кто никак не может понять, в чем же заключается то необыкновенное «горючее», которое в самые нужные моменты превращается во взрывную, ударную волну поразительной мощи. Я всегда думаю об этом потенциале, об этой кинетической энергии, сжатой в народе, когда хочу понять характеры тех или иных людей. Вот и сейчас, работая над спектаклем, по произведениям Симонова, мы думаем о том, что в годы войны наша армия столкнулась не просто с налетчиками и насильниками, а с лучшей армией в Западной Европе. Но те, кто привел ее на нашу землю, не поняли главного: нравственных резервов, таившихся в недрах советского народа, взращенных партией, всем советским государственным и общественным строем. Погодинский Гай, как мы его понимали, был выразителем необыкновенного подъема, массового героизма, с каким работали люди в 20-е, 30-е годы. Найти эмоциональную «формулу» того вдохновения, которое так ярко проявилось в строительстве Магнитки, Сталинградского тракторного, в подвигах военной поры, того вдохновения, которое вывело нас в космос, — так определяли мы нашу задачу в работе над этими спектаклями, так определяем мы эту задачу и сейчас. Выявить духовный потенциал большого человеческого коллектива — значит выйти на просторы искусства подлинно масштабного, внутренне патетичного, оперирующего крупными категориями и устремленного к большим обобщениям.

Е. Д. Сурков: Вы упомянули о спектакле, который дается в театре имени Ленин-

ского комсомола. В самом деле, к чему прежде всего должен стремиться молодой театр, если он хочет быть по-настоящему дерзким, если он будет претендовать на внимание молодежи? Мы должны очень хорошо знать, чем, например, отличается сегодняшний 20-летний парень от своих сверстников в году 1963-м, в году 1953-м и т. д. Каждое поколение вносит в жизнь, в общую сокровищницу всенародного опыта свои неповторимые черты, свои нюансы. И мы обязаны эти новые черты точно ощущать, должны уметь их передавать сценически.

В жизни сейчас формируется новая, очень сильная, очень привлекательная фигура молодого человека, который хочет мыслить государственно, хочет понять, как будет развиваться дальше наше общество, осознает свою роль в общенародном труде, готов принять от своих отцов эстафету и знает, куда, в каком направлении, надо нести ее дальше.

Е. Д. Сурков: Если я Вас правильно понял, то конечная задача, которую Вы перед собой ставите, это — задача увлечь зрителя определенным человеческим типом, увлечь его определенным типом социального поведения, определенной социальной моделью отношения к миру...

М. А. Захаров: Увлечь зрителя? Да, я хотел бы, чтобы наш герой увлек зрителя. Я не побоюсь для этого где-то, может быть, даже чересчур открыто сконцентрировать на нем внимание, не побоюсь в чем-то и «перегнуть палку». Мне важно, чтобы наш герой жил крупно, смело, мыслил широко и по-государственному.

Е. Д. Сурков: Все это действительно очень интересно, смело и важно. Но вот Вы получили сейчас совершенно новую для себя зрительскую аудиторию. В зрительном зале у Вас будет много единомышленников, и, надо надеяться, число их будет расти. Но, скажите, видите ли Вы в этой аудитории также и своего потенциального противника. Вероятно, будут в зале театра и молодые скептики, которыми с детства затвержен урок, что ироническое отношение ко всем нравственным ценностям и есть высшее проявление мудрости. И будет самозабвенный эгоист, который в свои 18 лет считает, что все живые и святые для нас слова говорят только для того, чтобы под их аккомпанемент было удобнее устраивать свою собственную судьбу. Будет и просто равнодушный, вялый паренек, который еще не проснулся для самостоятельной духовной жизни. Словом, будут зрители, с которыми Вам неизбежно придется полемизировать. Осознаете ли Вы это? Входит ли спор с ними в Ваши намерения?

М. А. Захаров: Я согласен с Вами: действительно есть и такой зритель, который склонен к некой консервативности и не хочет по первому зову с подмостков раскрывать свою душу и сердце. Здесь встают вопросы чисто профессионального свойства: как организовать актеров, чтобы они сумели властно и даже, если хотите, агрессивно атаковать зрителей, превратить их в единый коллектив. Ибо нет выше той радости, которую испытывают актеры и режиссер, когда в зрительном зале тоже образуется как бы единый коллектив, который

ют Ваши спектакли — «Разгром», «Темп». Только, чтобы извлечь из всех этих раздумий некий практический итог, Вам нужны творческие единомышленники. В одиночку всех этих задач не решить. Есть ли у Вас союзники-драматурги?

М. А. Захаров: Есть писатели, которые на разных этапах уже сотрудничали с театром. Так, у нас налажен контакт с Э. Радзинским, М. Шатровым. Очень интересует меня творчество Д. Гранина, А. Володина. Пишет для нас пьесу Григорий Горин.

Интересует меня и Александр Ремез. Он написал две любопытные пьесы. Ему самому сейчас около 20-ти. И в его пьесах действуют 18-летние. Это то новое поколение, которое несет в себе черты вчерашнего завтра.

Всегда интересна встреча человеком, который знает, чего не знаешь ты.

Е. Д. Сурков: Но для этого Вам нужен не только новый драматург, но и новые, т. е. молодые, знающие своих сверстников актеры...

М. А. Захаров: Я думаю, что современный актер — это прежде всего человек, который очень хорошо слышит жизнь. У которого превосходный слух. Он улавливает, какие лингвистические обороты сейчас появляются, а какие отмирают.

Разумеется, это ни в коей мере не означает, что новое в жизни и искусстве могут выразить только молодые.

Сейчас я работаю с художником А. П. Васильевым, который годится мне в отцы. Он очень мне близок — тем, что ему чужды предвзятые мнения. Он пытается уловить и ощутить, что в нашей жизни сейчас рождается нового, а что должно уйти, что будет развиваться, а что завтра же разветвется, хотя сегодня многим еще интересно.

Е. Д. Сурков: Будете ли Вы искать и внесценические контакты с вашим зрителем? Будете ли группировать вокруг себя какой-то актив?

М. А. Захаров: Безусловно, такая работа в плане наших общественных организаций. Задуманы и уже осуществляются контакты с рабочей молодежью, выезды в клубы, на подшефный завод им. Ленинского комсомола. Мы начали практиковать творческие встречи с интересными людьми, слушаем песни некоторых самодельных поэтов и даже записали в труппу молодежный вокально-инструментальный ансамбль под руководством Юрия Шахназарова. Внимательно изучаем новые направления в музыке. Они имеют большое влияние на молодежь. Чтобы работать с молодой аудиторией, нужно знать ее вкусы и настроения, но не для того, чтобы всегда подстраиваться к ним, а для того, чтобы уметь и со знанием дела воздействовать на молодежь, а если надо, то и спорить с ней.

Е. Д. Сурков: Прекрасные намерения. В них особенно обнадеживает активность Вашей позиции. Вы хотите вести со зрителем разговор о том, что его больше всего интересует, и непременно так, чтобы за Вами шло все большее количество единомышленников. Тех, кто, наблюдая, условно говоря, автограды XX века, уже думает о том, что надо сделать, чтобы приблизить время автоградов века XXI.

Позвольте же пожелать, чтобы замыслы Ваши сбылись.